

УДК: 94(47)+314.74

DOI: 10.25629/НС.2023.01.06

**«ИЗ СОВДЕПИИ В УКРАИНУ»: ПОБЕГ БЫВШЕГО ДВОРЦОВОГО КОМЕНДАНТА
В. Н. ВОЕЙКОВА В 1918 Г.
(К ИСТОРИИ ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННОЙ ЭМИГРАЦИИ)**

Князев М.А.

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
имени Н.И. Лобачевского

Аннотация. В статье впервые в российской историографии анализируются пути и способы миграции государственной, политической и придворной элиты из России на Украину в 1918 г. на примере побега бывшего дворцового коменданта императора Николая II, генерала В.Н. Воейкова. Проводится сравнение с аналогичными побегами представительницы дома Романовых великой княжны Марии Павловны, а также политических деятелей А. А. Гольденвейзера и М.М. Винавера. Основным источником исследования выступают мемуары эмигрантов, объективность свидетельств которых обосновывается путем сравнительного анализа их сведений. Через методологическую призму исторической антропологии и истории повседневности реконструируются условия жизни и быт вынужденных переселенцев. При этом особое внимание уделяется не только внешней, событийной стороне миграции элит, но и внутренней, рефлексивной, тому, как сами изгнанники воспринимали свой массовый исход из страны. Автор приходит к выводу о существовании «миграционного пути» на Украину, проходившего по железной дороге Петроград–Витебск. Среди причин эмиграции представителей имперской элиты были как объективные (голод в Петрограде, преследование большевиками), так и субъективные (личное неприятие нового строя) причины.

Ключевые слова: русская эмиграция первой волны, Петроград, Украина, Гражданская война, элита, В. Н. Воейков, великая княжна Мария Павловна.

Введение

История русской эмиграции первой волны уже не один десяток лет вызывает интерес у российских исследователей. Одной из самых крупных обобщающих работ по этой проблематике является исследование И. В. Сабенниковой [16], в котором русская эмиграция 1917–1939 гг. предстает как социокультурный феномен; особое внимание в монографии уделяется распределению основных диаспор русской эмиграции. В последние десятилетия появилось большое количество работ, посвященных истории пребывания русских беженцев в странах Северной, Западной и Восточной Европы [6, 10, 14, 18, 19, 20], Северной и Южной Америки [1, 2, 12, 15], а также на территории Азиатского региона [3, 11, 13, 17].

Тем не менее, в этой широкой теме по сей день остаются определенные «белые пятна». К таким terra incognita, безусловно, может быть отнесена тема истории российской эмиграции на Украину после прихода к власти в России большевиков. Данная проблема почти не привлекала внимание исследователей. Исключением стала монографическая статья доктора исторических наук, профессора, главного научного сотрудника Института истории Украины НАНУ Р. Я. Пирого [21], впервые поставившего научную проблему российской эмиграции на Украину в 1918 г. В статье анализируется опыт адаптации политических эмигрантов из России, занявших определенные государственные и политические посты на Украине. Однако вопрос о том, какими путями и способами попадали русские беженцы на Украину, автором не был затронут.

Поэтому целью настоящей статьи является анализ путей и способов миграции государственной и политической элиты из России на Украину на примере побега последнего дворцового коменданта Николая П. В. Н. Воейкова. Основной упор в анализе особенностей миграционного пути генерала делается на его воспоминания «С царем и без царя» (1936 г.) [4]. Обращение именно к мемуарам – как источнику по истории эмиграции – позволяет не только проследить «переселенческий путь» автора-рассказчика, но и выявить его отношение к происходящим событиям. Иными словами, мы имеем возможность подойти к решению следующих вопросов: как воспринималось людьми бегство из страны после революционных событий 1917 года? Как оценивали эмиграцию представители властных элит? Как последние воспринимали новую советскую власть и как «объясняли» свой «массовый исход» из страны?

Объект и методы исследования

Объект исследования в предлагаемой работе – история русской эмиграции начала XX в. Предметом исследования выступают пути и способы «исхода» бывших представителей властных и придворных элит Российской империи из молодой Советской республики на Украину в 1918 г.

В основу исследования положены историко-системный и компаративистский методы. С одной стороны, в рамках работы предполагается рассмотрение «бегства» элиты из страны как общего, системного явления в условиях разгоравшейся Гражданской войны, с другой стороны, сравниваются и сопоставляются «частные» формы и практики миграции отдельных лиц. Быт и условия жизни вынужденных переселенцев раскрываются с применением таких современных научных подходов, как история повседневности и историческая антропология.

Результаты и их обсуждение

В. Н. Воейков, к сожалению, один из тех, чье имя незаслуженно забыто: будучи деятелем российского спортивного движения, генерал много сделал для развития в России массового спорта, ввел обязательное физическое воспитание в армии, одновременно с этим он возглавлял личную охрану царя и его семьи [7]. Однако в памяти современников Воейков остался политическим проходимцем, дельцом, представителем «темных сил». Именно слухи сыграли главную роль в аресте генерала приказом Временного Правительства после Февральской революции [8]. После Октябрьской революции Воейков был освобожден из тюрьмы, однако пробыл он на свободе недолго: уже в июле 1918 г. для бывшего дворцового коменданта, как представителя старого режима, снова усилилась опасность ареста уже со стороны власти Советов.

В начале сентября 1918 г. генерал узнал о том, что его жена арестована за «укрывательство» мужа. Через доверенных лиц ему была передана записка супруги с советом бежать, что его и «поддержало в решении покинуть страну». Перед Воейковым встала серьезная дилемма: «явившись в комиссариат, жены не спасу, а сам буду расстрелян; оставаясь же на свободе, могу пробраться в один из ближайших пунктов нахождения немцев – Псков или Украину – и там хлопотать об освобождении жены» [4, С. 358].

Так как внешне Воейкова могли узнать на улицах Петрограда и во время вынужденного путешествия, он решил прибегнуть к мерам конспирации: «По соблюдении формальностей я получил паспорт и, завязав вещи в газетную бумагу, отправился в удельный лес, где привел себя в соответствующий рабочему вид: подбил ногти грязью, натер руки сосновыми иглами и землю, испачкал небритую два дня физиономию, надел ночную рубашку и окунул в грязную лужу сапоги» [4, С. 359].

При помощи своего знакомого из дипломатического посольства Воейков смог получить поддельный документ служащего железнодорожной станции, что давало ему право проезда по стране. Под видом закупки дешевой провизии генерал и двое его знакомых поехали в Витебск, надеясь успешно перейти границу. Условия переезда были довольно трудными: так, в четырехместном купе к ним добавился «вооруженный винтовками продовольственный отряд из Старой Руссы» и «с их приходом нас оказалось в отделении уже 13 человек. Двигаться не было никакой возможности. Так мы ехали всю ночь» [4, С. 360–361].

Добравшись до Витебска, генерал понял, что переправа через границу в Витебске опасна, поэтому было принято решение поехать в направлении Смоленска, Брянска и Унечи, где планировалось перейти границу. Однако, несмотря на высокую степень конспирации путешественников, за Воейковым продолжалась слежка. Во время ожидания поезда, как вспоминал позднее мемуарист, «когда я отделился от своих спутников, ко мне подошел одетый мастеровым человек со словами: «Товарищ, а мы с вами с самого Лесного вместе едем». Я почувствовал, что наступает конец моей свободе...». Обманув агента, Воейков «бросился бегом на вокзал, встретил в условленном месте своего спутника и вместе с ним забрался в вагон». «Улегшись на поднятом верхнем месте, я притворился больным, а он сел на противоположной скамейке, объясняя всем, что везет тяжелобольного... Таким образом мы доехали до Унечи» [4, С. 362].

Добравшись до Клинцов, Воейков попытался проехать в Гомель, в то время занятый германскими и украинскими войсками. А так как для этого было необходимо разрешение от немецкой и украинской комендатур, то генерал воспользовался для получения билетов помощью местного еврея, который помог Воейкову окольным путем перейти границу и сесть в проходящий поезд. Благополучно прибыв в Гомель, Воейков начал искать пути проезда в Киев. Получить билеты не было никакой возможности, поэтому ему снова пришлось пойти на хитрость: дав взятку оберкондуктору в размере пяти рублей, он смог удачно добраться до Киева, в котором уже достигла своего пика политическая борьба украинских националистов и советских сил.

11 сентября 1918 г. Воейков прибыл в Киев, где начал «хлопотать в отделении немецкого штаба – «оберкомандо» – о своей жене», однако там он получил ответ, что его жена уже освобождена – «в данном случае немецкие власти не успели оказать содействия» [4, С. 365]. Нахождение Воейкова в Киеве было непродолжительным – с сентября по декабрь 1918 г., хотя его старые знакомые на Украине и помогли ему получить паспорт и необходимые документы [4, С. 366–367]. «Жил я в Киеве в ожидании лучших времен, а настали худшие» – так вспоминал Воейков о событиях ноября–декабря, когда гетманская власть на Украине стала сильно колебаться [4, С. 374]. Только на второй раз Воейков смог выехать из Киева через Харьков в Севастополь, откуда в январе 1919 г. перебрался в Одессу. Находясь там, по инициативе «земляков» по Пензенской губернии Воейков был избран председателем собрания земских гласных, при этом предполагалось «объединиться с представителями остальных губерний», но, однако генерал вскоре сложил с себя полномочия председателя из-за многочисленных споров и неурядиц в работе собрания. «Это была единственная общественная работа, в которой я принял участие» [4, С. 385]. А вскоре по причине оставления французскими союзниками Одессы Воейков снова был вынужден покинуть город.

Побег В. Н. Воейкова на Украину стал лишь началом его миграционного пути, затем он мигрирует в Румынию, проедет по всей Европе и останется жить в Финляндии. Тем не менее, его отъезд на Украину был самым трудным и опасным, как и для многих российских беженцев в то время.

В этом смысле интересно сравнить рассказ о побеге Воейкова с воспоминаниями великой княжны Марии Павловны [9] о вынужденном выезде на Украину. Она приняла решение уехать на юг в июле 1918 г., надеясь на помощь немцев в Киеве, при этом воспринимала этот отъезд лишь как временный. Деньги на поездку она получила с продажи мелких украшений. Княгиня также соблюдала меры конспирации: «Мой дорожный костюм состоял из старого поношенного платья и дождевика. В последние годы Россия привыкла видеть меня в форме военной медсестры, и я надеялась, что в гражданской одежде меня никто не узнает» [9, С. 302]. Начало миграционного пути Марии Павловны было схожим с путем Воейкова: сначала она выехала по железной дороге на Оршу (граница Советской России и южных оккупированных немцами районов). Добравшись до Орши, княгиня с мужем попыталась перейти границу, однако все их попытки были тщетными – из-за отсутствия необходимого пропуска от большевистского Совета Орши это было невозможно. Однако благодаря счастливой случайности, по которой украинский комиссар оказался племянником близких знакомых княгини, немецкая комендатура все-таки разрешила переход границы. Весьма выразительны слова из воспоминаний княгини:

после выезда из страны Советов «с наших плеч свалился тяжелейший груз. **Жизнь казалась прекрасной, как после смертельной болезни**» [9, С. 313].

Однако только ли «немецкий фактор» играл главную роль в том, что большая часть русских беженцев уезжала именно на Украину? Ответ на этот вопрос дают воспоминания другого эмигранта – А. А. Гольденвейзера – в 1918 г. члена Центральной рады [5]. Гольденвейзер пишет: «Сравнительное благополучие Киева в гетманское время резко оттенялось быстрым обнищанием Петрограда и Москвы... На севере начинался уже голод, который был нам еще совершенно незнаком. А начиная с осени, после покушения на Ленина [30 августа 1918 г., Ф. Каплан – М. К.], начался и красный террор, с расстрелом заложников, чрезвычайками и ревтрибуналами» [5, С. 226]. К тому же в июне–июле 1918 г. на Урале погибли 14 членов Дома Романовых, в их числе бывший император Николай II с семьей, опасность ареста и гибели нависла и над отцом Марии Павловны – великим князем Павлом Александровичем. Преследование членов царской фамилии также стало одной из причин эмиграции княгини.

Соблюдать меры предосторожности во время приезда на Украину пришлось и одному из лидеров кадетской партии – М. М. Винаверу. Гольденвейзер вспоминал: «... в середине июня... мне принесли телеграмму со станции Ворожба от М. М. Винавера, извещавшую о его приезде в Киев. Телеграмма не была подписана фамилией М. М., что указывало на конспиративный характер его приезда... В окне подбегавшего поезда я увидел знакомое и вместе с тем **преображенное** лицо. Присмотревшись, я заметил, что М. М. сбрил бороду; это одно показало мне, через какие испытания он, должно быть, прошел в последние месяцы» [5, С. 227].

Своеобразной «кульминацией» эмигрантской волны на Украину стал период с августа по декабрь 1918 г.: «В эти несколько месяцев... у нас, можно сказать, перебивал «весь Петроград» и «вся Москва»... К нам переехали правления всех банков, крупные промышленники и финансисты, представители аристократии, придворных и бюрократических кругов. За ними потянулась и интеллигенция – адвокаты, профессора, журналисты». «Все, кто только как-нибудь мог, устремились к нам на юг. Киев, хотя и на короткое время, стал подлинным всероссийским центром» [5, С. 226].

Таким образом, картина «побега» эмигрантов из Петрограда на Украину изложена в мемуарах относительно схоже, что говорит о правдивости, непредвзятости изложенной информации.

Вообще в мемуарном повествовании о побеге Воейкова четко выделяются две стороны: внешняя, событийная (описание маршрута передвижения, трудных обстоятельств выезда из страны) и внутренняя, рефлексивная (размышления, замечания, оценки событий).

Как уже говорилось, именно арест жены стал поводом для отъезда Воейкова на Украину, однако причины его миграции все-таки глубже. Сам мемуарист не дает прямого ответа о причинах, но внимательный анализ его воспоминаний дает нам ответ на этот вопрос.

Обращает на себя внимание название главы, описывающей побег – «Из Совдепии в Украину». Интересно и то, что на протяжении главы Воейков так и продолжает именовать большевистскую страну не Россией, а пренебрежительно «Совдепией». Воейков пишет: «По прибытии в Гомель [перейдя границу России и Украины – М. К.] я пошел в парикмахерскую, где постригся, побрился и в первый раз вымылся после удельного парка, благодаря чему **несколько утратил совдеповский вид**» [4, С. 363]. В данной фразе наиболее ярко проявляется отношение Воейкова к советской действительности: страна большевиков для него не Россия, а «Совдепия», поэтому он не только не хочет оставаться в стране без имени, но и при первой возможности снимает с себя вынужденную «маску» советского человека. Поэтому можно говорить о том, что глубинные причины миграции Воейкова заключались не столько в страхе физической гибели в «Совдепии», сколько в неприятии нового строя жизни, чуждого ему. Он не видит себя в новой России, более того, он и не признает Россией государственное образование «Совдепия».

Заключение

Таким образом, можно предположить, что основными причинами русской эмиграции на Украину в 1918 г. были начинающийся голод в северных регионах страны, преследование антибольшевистски настроенных людей, а также надежда на помощь/содействие немцев. По мемуарам В. Н. Воейкова и великой княжны Марии Павловны стало возможно установить «миграционный путь» из Петрограда на Украину – он шел по железной дороге, соединяющей Петроград и Витебск. После приезда в Витебск пути эмигрантов были различными: так, Мария Павловна проехала до городка Орша, где смогла удачно перейти границу, путь Воейкова оказался длиннее – через Смоленск, Брянск и Гомель (рисунок 1).

Рисунок 1. Путь В.Н. Воейкова «из Совдепии в Украину». Карта путей сообщения Российской империи. 1916 г.

Вынужденным эмигрантам приходилось прибегать к мерам конспирации: менять внешность, приобретать фальшивые паспорта и путешествовать под вымышленными именами. И хотя «побег» представителей властных элит был обусловлен объективно трудными для выживания условиями, все они воспринимали свой «исход» как знак разрыва связей с большевистской «Совдепией», как открытый жест неприятия нового строя, надеясь при этом на светлое будущее. По этой причине после выезда из страны у Воейкова вызывает радость «утрата» «совдеповского вида», Винавер выходит из поезда в Киеве с «преображенным» лицом, а Мария Павловна воспринимает свою жизнь после побега из советской России как «после смертельной болезни».

Библиография

1. Баландина О. В. Проблемы социальной адаптации русской эмиграции в США, 1917–1930 // Американский ежегодник. – 2002. – № 2000. – С. 165–177.
2. Богданова Е. А. Русская эмиграция в Латинскую Америку: особенности, роль и значение русской эмиграции в Парагвае // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2019. – № 9 (50). – С. 758–771.
3. Ван Ч. История русской эмиграции в Шанхае. – М.: Русский путь, Библиотека-фонд «Русское зарубежье», 2008. – 576 с.
4. Воейков В. Н. С царем и без царя: Воспоминания последнего дворового коменданта государя императора Николая II. – М.: Воениздат, 1995. – 431 с.
5. Гольденвейзер А. А. Из киевских воспоминаний (1917–1920 гг.) // Архив русской революции. – Берлин: Slowo-Verlag, 1922. – Т. 6. – С. 161–303.
6. Гусефф К. Русская эмиграция во Франции: социальная история (1920–1939 годы). – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 328 с.
7. Князев М. А. Государственная деятельность В. Н. Воейкова в контексте российской истории начала XX века // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2019. – № 6. – С. 43–51.
8. Князев М. А. Дворцовый комендант В. Н. Воейков в дни Февральской революции // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. – Санкт-Петербург: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2021. – С. 30–44.
9. Мария Павловна, великая княгиня. Мемуары. – М.: Захаров, 2004. – 511 с.
10. Марченко О. В. Формирование и адаптация русской эмиграции в Германии в 1920-е годы // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А: Гуманитарные науки. – 2016. – № 9. – С. 49–54.
11. Мелихов Г. В. Российская эмиграция в Китае (1917–1924 гг.). – М.: Ин-т Истории РАН, 1997. – 245 с.
12. Мосейкина М. Н. Институты русской эмиграции в странах Латинской Америки (1920–1930-е гг.) // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2021. – № 12 (100). DOI: 10.18254/S207987840014176-2.
13. Наземцева Е. Н. Русская эмиграция в Китае: попытки и проблемы объединения в 1920–1940-е гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2021. – № 12 (100). DOI: 10.18254/S207987840014182-9.
14. Невалайнен П. Изгой. Российские беженцы в Финляндии (1917–1939). – Санкт-Петербург: Издательство «Журнал «Нева»», 2003. – 365 с.
15. Ручкин А. Б. Русская диаспора в США в первой половине XX века. – М.: Изд-во Национального ин-та бизнеса, 2006. – 462 с.
16. Сабенникова И. В. Российская эмиграция (1917–1939): сравнительно-типологическое исследование. – Тверь: Золотая буква, 2002. – 424 с.

17. Савченко Т. К. «Русский остров»: Харбин как феномен русской эмиграции // Актуальные вопросы изучения мировой культуры в контексте диалога цивилизаций: Россия – Запад – Восток: материалы международной научно-практической конференции, Москва, 24 мая 2016 года. – М.: Ремдер, 2016. – С. 345–353.

18. Серапионова Е. П. Российская эмиграция в Чехословацкой Республике (20–30-е годы). – М.: ИСБ, 1995. – 196 с.

19. Ульянкина Т. И. К 100-летию русского исхода: статистика, динамика и география первой волны русской научной эмиграции // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Гуманитарные, общественные, педагогические науки. – 2017. – № 3 (6). – С. 23–26.

20. Чурич Б. Русская эмиграция в Сербии // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. – 2014. – № 26. – С. 141–168.

21. Пиріг Р. Я. Російська еміграція в Українській Державі 1918 р.: до постановки наукової проблеми // Проблеми вивчення історії Української революції 1917–1921 років. 2012. – № 7. – С. 14–36.

**"FROM SOVDEPSIA TO UKRAINE": THE ESCAPE OF THE FORMER PALACE
COMMANDANT V. N. VOEIKOV IN 1918
(TO THE HISTORY OF POST-REVOLUTIONARY EMIGRATION)**

Knyazev M.A.

National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Abstract. For the first time in Russian historiography, the article analyzes the ways and means of migration of the state, political and court elite from Russia to Ukraine in 1918 on the example of the escape of the former palace commandant of Emperor Nicholas II, General V.N. Voeikov. A comparison is made with similar shoots of the representative of the Romanov dynasty, Grand Duchess Maria Pavlovna, as well as political figures A.A. Goldenweiser and M.M. Vinaver. The main source of the study is the memoirs of emigrants, the objectivity of the testimonies of which is substantiated by a comparative analysis of their information. Through the methodological prism of historical anthropology and the history of everyday life, the conditions of life and life of forced migrants are reconstructed. At the same time, special attention is paid not only to the external, eventful side of the migration of elites, but also to the internal, reflexive, to how the exiles themselves perceived their mass exodus from the country. The author comes to the conclusion about the existence of a "migration route" to Ukraine, passing along the Petrograd-Vitebsk railway. Among the reasons for the emigration of representatives of the imperial elite were both objective (famine in Petrograd, persecution by the Bolsheviks) and subjective (personal rejection of the new system) reasons.

Keywords: Russian emigration of the first wave, Petrograd, Ukraine, Civil War, elite, V. N. Voeikov, Grand Duchess Maria Pavlovna.